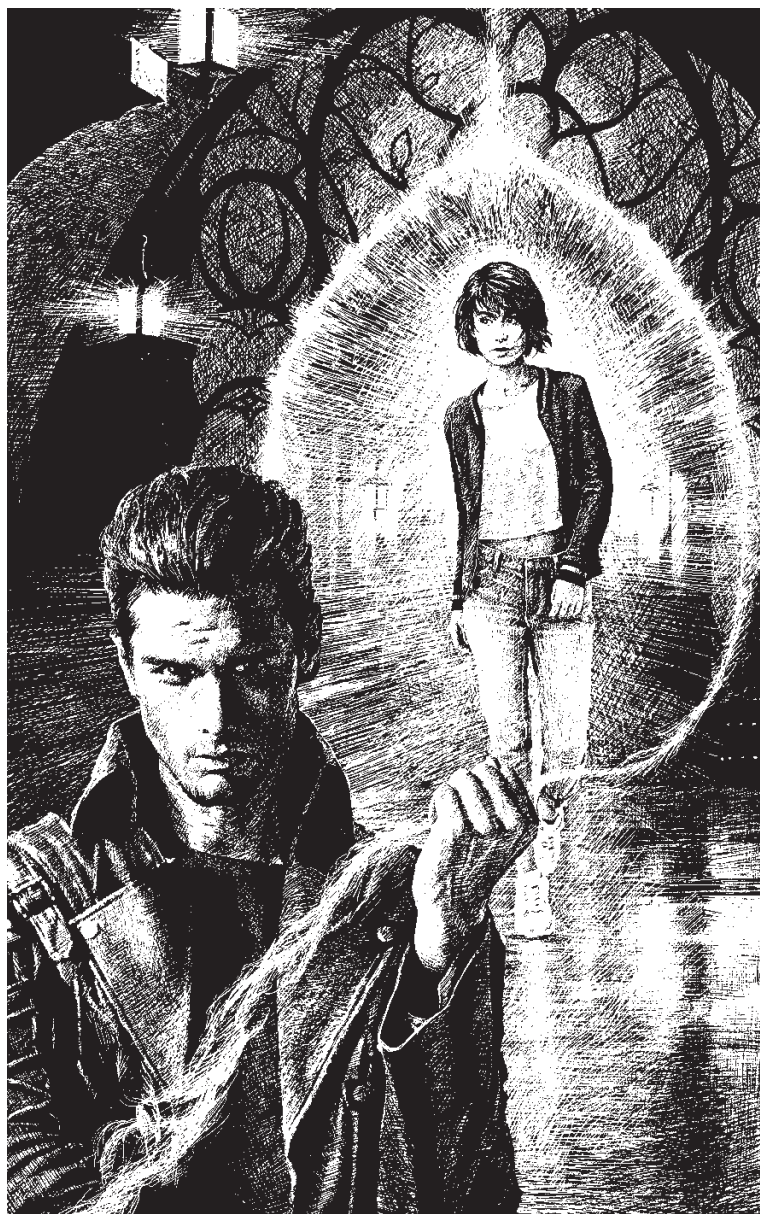

Дорофея Ларичева

Александр, тренер по фехтованию в спортклубе

За годы изгнания я растерял веру в знаки, знамения и прочую чушь, так нежно обожаемую обывателями. Считаю — каждый волен управлять личным «сегодня» по собственному разумению. Как я, например, уже много-много-много лет. Столько не живут.

Я стал законченным реалистом. И это мне нравилось. Но в этот день послания судьбы крались за мной по пятам, караулили за каждым углом, дразня и подначивая. Я был слеп, глух и нем к их намекам.

Началось с того, что я психанул на тренировке с трудным клиентом, высказал все, что о нем думаю, в ответ на его претензии. За что он меня обозвал «ядовитой шпагой». Так меня звали больше столетия назад не под этим небом. После «посчастливилось» нарваться на гнев склочного шефа, аж призрачные иглы в сердце заныли. Коллеги хотели вызвать «скорую», не дал.

«Бросаю работу», — решил я. Полгода обвыкался на новом месте, изучал обстановку и людей, создавал легенду. Надо на себя поработать, «внезапно» получить наследство, открыть собственную школу фехтования. Лет пятьдесят мечтаю, все никак. Хоть в этой жизни оторвусь. Уже помещение присмотрел, продумал, кого найму помощниками.

Чтобы успокоиться, я отправился бродить по городу, любоваться сиянием шпилей Петропавловки на фоне чернично-синих туч. Люблю я Питер. Особенно в преддверии непогоды. Всегда возвращаюсь сюда и задерживаюсь. С закрытыми гла-

зами готов экскурсии водить по прежним жизням. Только слушателей нет.

Короткое северное лето радовало редким солнышком, купало небо в застиранную старушечью шаль облаков, пробирало простудными ветрами. Я улыбнулся, снял с шеи шарф, с удовольствием затолкал в карман ветровки, вдохнул сырой воздух. Будет ливень. Не сейчас, часам к девяти. Успею погулять, посетить пару книжных, выбрать себе интеллектуальную жвачку на несколько вечеров.

Белые туристические катера живенько сновали по черной поверхности Невы. То тут, то там сияли вспышки фотоаппаратов, ловя волшебную при таком освещении красоту города, когда серые камни набережной кажутся живыми, дышащими, когда, ступая на мост, начинаешь сомневаться: а не мираж ли другой берег? Дойдешь ли до него прежним? Расстояния удлиняются, памятники хитро подмигивают, львы и сфинксы лениво потягиваются, переминаются с лапы на лапу.

Очередная вспышка заставила меня зажмуриться. На скольких таких снимках осталось мое лицо? Человек из толпы, случайный прохожий, вечный странник? Но, похоже, я замечтался. И нос к носу столкнулся с Тимкой, моим старым... бывшим старым другом. Оба остолбенели. Я — от готовности поверить в кричавшие с утра знаки. Он — от неожиданности.

— Простите. — Тимур очнулся первым, не дал мне слинять подобру-поздорову. — Вы случаем не внук Романа Розанова?

— Обознался, дед, — буркнул я как можно грубее и заторопился прочь, не оглядываясь.

Терпеть не могу, когда в мое новенькое, еще не побитое на жизненных поворотах настоящее вторгается похороненное и оплаканное прошлое. А Тимур был одним из тех людей, о потере которых я искренне сожалел. И открылся бы, если бы не иглы в сердце и собственный кодекс правил. Нарушить их равносильно признанию наличия над собой грозной тетки-судьбы. Не стоит мной командовать, цеплять привязанности. Я не собачонка, а свободный человек.

Я не досидел отведенного самому себе срока в солнечной Испании, ввязался в рискованное дело. И получил взрыв и

разгром в офисе, полицию и Интерпол на хвосте, блокировку нескольких банковских счетов. Поэтому спешно инсценировал собственную кончину, собрал чемоданы, осчастливил тогдашнюю подружку-однодневку домом на побережье и сбежал сюда, под мрачное небо, в город, в котором был когда-то счастлив.

Двухчасовой прогулки хватило, чтобы привести мысли в порядок, пересмотреть планы на жизнь. Я добрался до квартиры, выслушал на автоответчике сообщение из спортзала. Не дождутся. Завтра пишу заявление и ухожу в вольное плавание.

Стоило включить компьютер, в дверь позвонили. Я вновь проморгал знак судьбы, пошел открывать. На пороге стояла симпатичная девчонка лет двадцати, большеглазая, улыбочивая, черноволосая, с короткой стрижкой, худенькая. Она часто мелькала в толпе болельщиц, пока я обучал мальцов из исторического клуба держать в руках шпагу, следила за мной, но приблизиться и познакомиться не решалась, смешно злилась, когда я флиртовал с другими. В пору было гадать, когда она перейдет к активным действиям. Дождлся.

— Эй, Гвардеец, так и будешь в пустоту пялиться? — Гостья помахала рукой перед моими глазами. — Неспортивными препаратами балуешься?

— Нет, задумался, — посторонился, пропуская ее в квартиру. — Я временно прекращаю тренировки. Надо предупредить твоих приятелей.

— О них и речь. Точнее, о Максиме — моем брате. Он у тебя занимается, — заявила девушка, вручила мне зонтик и куртку. — Разговор долгий. Его хорошо вести под чашку кофе.

Я усмехнулся, галантно поклонился и проводил гостью в комнату.

— Я Ангелина, — представилась она. — Лина.

Я отвесил еще один шуточный поклон и удалился на кухню, чтобы через пару минут примчаться на ее бодрые вопли:

— На, гад! Получи свинца!

Очаровательная гостья с ангельским именем оккупировала компьютер, запустила игрушку и немилосердно мочила монстров. Так, подозреваю, для разговора кофе маловато. Я набрал

номер доставки и заказал пиццу. Все равно повар из меня, как меценат из Дарта Вейдера.

Кофе я у себя не держал, зато чай заварил на славу. Поставил перед Линой дымящуюся фарфоровую чашку, присел рядом.

— Прости, что хозяйничаю, — смутилась она. — Я про эту игрушку только читала. Не удержалась.

— Рассказывай, — потребовал я, отключив монитор.

Она сверкнула черными огромными глазищами и призналась:

— Мне больше не к кому идти. Знаю, Максимка тебе доверяет, ты для него авторитет. Только и слышу: «Гвардеец то, Гвардеец се!»

— Что случилось? — подозревая неладное, спросил я.

— Он учебу забросил, заигрался и вообще...

— Конкретней, — прервал я охи-вздохи.

— Если Максимка не сдаст начерталку, вылетит из университета. Или переведется на менеджмент, как и я после экзамена у Казака. Это не его, поверь.

— Я тут при чем?

Помнится, гостя приходила на тренировки в компании этого самого Казака — Васи Казаченко, молоденького преподавателя, заодно большого любителя истории и кандидата в мастера спорта по фехтованию.

— Придумай что-нибудь. Тебя и Казак слушает. Он же в твоём клане? Может, он глаза и уши закроет на время пересдачи, уедет куда-нибудь или на больничный уйдет. Тогда экзамен у Максимки примет профессор Поляков, он не такой въедливый.

Мне стало смешно. Детки заигрались. Они на полном серьёзе придумали себе кланы, переживали фантазийные и исторические события. Воевали, заключали военные союзы и перемирия, дрались на дуэлях. Скучно. Мне скучно, потому что я знаю, как такое происходит на самом деле.

— Макс не сдаст Казаченко начерталку. — Она потянулась к чашке, склонилась над ней, втягивая носом аромат. — Боюсь, психанет, свяжется с дурной компанией. Брат не раз пытался

университет бросить. По осени я его отругала. Зимой ты его отговорил. Если родители узнают о его похождениях, будет катастрофа!

Я скрестил руки на груди, забавляясь происходящим. В толпе ребят из исторического клуба я не выделялся ни возрастом, ни внешне. Нравилось мне после основной работы возиться с детишками, тренировать их игрушечную армию, рассказывать всякие курьезы. Мальчишки и девчонки, в большинстве своем студенты, собирались кружком, вслушивались, затаив дыхание. Потом самые смелые робко совали в ладонь стишки на тему моих небылиц, будто я что-то смыслю в поэзии. Теперь в свои войны втягивают. Печальный финал для меня, грозного.

— Он не пробовал выучить? — Я не думал соглашаться, просто желал подразнить девочку.

— Это невозможно выучить! Плоскости, точки, проекции! Гадость! Родители не так богаты, чтобы второго ребенка платно учить. Максим работать не хочет. Он еще маленький, перебесится однажды, поумнеет. — Лина была в отчаянии.

— Ты на каком курсе? — уточнил я на всякий случай.

— На втором. Второй раз. Как отчислили, восстановилась с потерей года.

Ясно, взрослая старшая сестра. Я разглядывал ее длинные пальцы, унизанные кольцами, золотой кулончик в виде бабочки на открытой шее, белую блузку с синими ромбиками на воротнике. А мне представились тяжелая цепь с символом Творца, перепутанные черные космы на плечах, накидка из алой парчи с золотой вышивкой... И предсказания, которым не суждено было сбыться. Главная придворная ведьма, на которую походила юная гостья, обманулась единственный раз, что привело друзей — к смерти, а меня — к изгнанию.

— Гвардеец, мне не к кому больше идти! А ты в клубе неформальный лидер, — неумело польстила она.

Как же, первый дуэлянт Зирина, «ядовитая шпага», как сегодня угадал мой клиент. Это еще до того, как я прославился иначе.

Я мотнул головой, гоня морок воспоминаний. Пора выставить девочку за дверь. Если начинаешь копать в собственном прошлом — пропал. Пакуй чемоданы, меняй внешность, имя, город, страну, убеждения, но избавляйся от заразы как можно быстрее.

Этот главный звонок я пропустил, дождался разносчика пиццы, сунул ему деньги, передал коробку любопытной Лине. Та бесцеремонно выбрала самый красивый кусочек, попробовала и скорчила рожицу.

— Не люблю с сыром, — заявила нахалка.

Я махнул рукой, устроился рядом, вытянул ноги. Все мысли крутились вокруг интерьера собственной фехтовальной школы — где нанять дизайнера, у кого закупить стройматериалы для перепланировки и отделки... Что поделать, в тот день я был совершенно не готов к будущим событиям. И когда в дверь в третий раз позвонили, в груди не екнуло. Последняя песчинка песочных часов изгнания беззвучно шлепнулась на необозримые барханы прожитых дней.

«Наверняка Ангелина группу поддержки привела», — решил, не подумав заглянуть в дверной глазок. Как я был не прав!

— Герцог Лиорсар Желлес иль'Харса, — придерживая курчавый парик, поклонился мне Карло, бывший королевский канцлер. — Наконец нашел вас!

Я расхохотался. Привалился к шкафу, чтобы не упасть. Я знал, гадкая тетка-судьба, когда-нибудь ты достанешь меня. Может, хорошо, что именно сегодня.

— Становись в очередь, продажная крыса. Сюда дама за помощью пришла.

— Да? Красивая? — оживился старый хрыч, аж на цыпочки привстал, пытаясь заглянуть через мое плечо. Обойдешься, коротышка. — Нехорошо получается. Не люблю обижать красавиц.

— Что нужно? — Я не собирался пускать его в квартиру. — Меня помиловали и собрались принести извинения?

— Нет, но... — Бывший канцлер замялся, зашуршал бумагами в кармане дешевого пиджака. По местным обычаям оделся,

а парик напялил, демоново отродье. — Я к вам по личному делу, так сказать.

— Говори. — Я заступил ему дорогу. Зачем пускать палача в квартиру?

— Вальмар мертв, задушен собственной внучкой. Нарек разбился при испытаниях очередного изобретения. Ярех отравлен.

— И что?

Я не ощутил радости. Смерть врагов сладка, когда возвращаешь в душе пламя мести. А, как постановил Высочайший совет магов, души у меня нет.

— Ты пришел за рекомендациями, как вернуть к нежизни их трупы? — поинтересовался я. — Не ожидал, что интриганы тебе дороги.

— Вы не понимаете, герцог иль'Харса, — наступал на меня коротышка. — Это все — часть заговора против отечества. Страну нужно спасать. И я не вижу иных кандидатур...

— Пошел вон, — фыркнул устало.

— Я знаю, как извлечь иглы проклятия! И еще Радесса. Она жива! Казнь была фарсом, — вытряхнул он все козыри.

Радесса? Кукольное личико, аквамаариновые, чуть раскосые глаза, танцующая походка, острый клинок, куча эльфийских родственничков, щедро сыплющих лживыми обещаниями помочь. Я оплакивал ее смерть год, пока гнил в подвалах Белой крепости, ожидая казни. И в первые годы в этом мире тоже. Сейчас мне даже неинтересно, как она выкрутилась. Не иначе фамильная подлость проснулась в крови.

Во рту стало горько. Но это мелочь по сравнению с той болью, которую я пережил. Справлюсь.

А вот с иглами сложно.

— Проходи, — посторонился, пропуская экс-канцлера в гостиную. — Послушаю твои сказки. — И уже Линескомандовал, пока не стало слишком поздно: — Выметайся, у меня дела.

— Пообещай, что поможешь, — встала в позу девушка.

— Хорошо, помогу, — пообещал я. Ясное дело, из квартиры уже не выйду.

Она замешкалась, всматриваясь в мое лицо. Силой ее, что ли, вывести?

— Девица в тебя влюблена, Лиорсар. И не намерена оставлять добычу, — заключил экс-канцлер, легко переходя на ты. Уже своей собственностью меня считает, сморчок! — Тем лучше.

Он бросил на пол желтую бусину телепортатора. Мое «Стой!» проигнорировал. И мы втроем шлепнулись на густой ворс ковра просторной комнаты замка Карло. Со стен на наше барахтанье взирали оскаленные головы оленей, медведей, волков, лесных драконов. За спиной возмущенно звякнули рыцарские доспехи.

— Добро пожаловать на родину, герцог Лиорсар Желлес иль'Харса, наш грозный некромант первого круга, — торжественно провозгласил Баллесс Карло.

— Э-э-э, кто-нибудь мне объяснит что происходит? Гвардеец?

Голос Лины прозвучал жалко. Поняла девчонка, что вляпалась. Попробую уговорить Карло стереть ей память и вернуть домой.

— Гвардеец! Сашка! — Лина была на грани истерики.

— Не хнычь, — как можно спокойнее ответил я. — Уверен, ты грезила о приключениях, магах, эльфах, орках. Распишись в книге прибывших, милочка. Мы на месте.

— Как? — Она испуганно отступила назад, огляделась. — Не заливаешь?

Поверила. Хорошо, ей легче будет. Экс-канцлер стоял в стороне, давая нам возможность освоиться.

— Когда совет поймет, что я вернулся, Карло? — стоило прояснить для себя основной вопрос.

— О том, что тебя не казнили, знали пятеро. Трое мертвы. Я перед тобой. Остался Миарис. Тому в ближайшие пару месяцев будет не до слезки. — Стервятник нехорошо усмехнулся. — Эльфийский князь написал петицию о его недостойном поведении во время приема.

Ясно. Уж не ты ли, мой любезный враг, приложил руку к тому инциденту? Чтобы Миарис просчитался? Не припомню.

— Завтра придет мастер пламени, попробует извлечь иглы. А пока...

Карло громко хлопнул в ладоши, призывая... нет, не людей. Огнешкуров — лишенных плоти порождений Запредельного. Похожие на крупных мартышек существа, сотканые из багрового необжигающего огня, протекли сквозь двери и замерли, безмолвно ожидая приказа. Лина негромко взвизгнула, попятилась за мою спину.

— Отведите гостей в их покои, — приказал старый пройдоха. — Я приглашу портного снять мерки и повара уточнить меню на ужин. Позже обсудим вашу историю.

— Нашу? — Я приподнял бровь.

Даже Лина оторвала взгляд от необычных слуг, обернулась к Карло.

— Ты же не собираешься сразу объявлять о своем возвращении, черный герцог? Тобой по сей день детей пугают, пусть поколения сменились. А на заезжего провинциального чародейчика с верной женушкой внимания никто не обратит.

Ангелина

«А-а-а! Я в другом мире!» — все во мне кричало от смеси ужаса и восторга. Ужаса было больше. Как я тут выживать стану? Я же ничего не умею! Даже огонь развести без спичек не смогу, первую помощь оказать, пищу не из полуфабрикатов приготовить! И вообще, как там дома? Родители, брат, друзья? Верните меня обратно! А-а-а!

Хотелось бегать по комнате и кричать, запаниковать, закатить истерику. А я стояла и тупо смотрела на свою первую любовь — Гвардейца.

Виртуоза шпаги и меча из местного спортклуба иначе не звали. Нет, все знали его имя — Александр Яковлев, но это слишком обыденно и скучно. Во-первых, у нас уже был д'Артаньян. Во-вторых, на мушкетера Саша не походил, скорее на классического учителя фехтования. Он казался ровесником большинства ребят из клуба исторической реконструкции, куда изредка забредали ролевики. Года двадцать два, от силы двадцать четыре. Мой брат был очарован парнем, досконально

разбирающимся в вооружении и амуниции, знающим историю так, словно сам участвовал в важнейших событиях двадцатого века. Максим рассказывал, будто Гвардеец не раз выручал его и друзей в сложных ситуациях, а двух идиотов вообще от смерти спас. Максиму отговорил бросать университет после зимней сессии. Разве я могла пройти мимо такого героя?

Впервые я попала в клуб вместе с Казаком, бывшим преподавателем, а теперь приятелем (должен же братишка начерталку сдать). И поняла, что смотрю только на Гвардейца. Стань он актером, играл бы исключительно роли благородных героев-любовников: красивое лицо, завораживающая пластика движений, обходительное поведение. Короткие черные волосы, зачесанные назад, усиливали впечатление, как и любовь к белым нарядам. Короче, этакий Андрей Болконский современной эпохи. Зато по объему информации, хранящейся в его голове, Гвардеец мог потягаться с суперкомпьютером.

Казалось, он осведомлен обо всем: как воевали в древности, чем вооружены современные армии разных государств, как тестировать скалолазное снаряжение, как приготовить блюда, скажем, китайской кухни, как устроен самолет и как рассчитать прочность любой конструкции. А теперь выясняется, что наш супермен и вовсе из неведомых земель!

Забавненько. А вдруг он маньяк, садист и еще незнамо какой придурок? Посмотрим. Деваться-то все равно некуда.

— Лина, пойдём.

Как во сне я шла за ним по коридорам и залам. Доставшиеся нам хоромы выглядели мрачно, уныло и громоздко. Только гробика с Дракулой не хватало для полноты впечатлений. Тяжелые коричневые шторы на огромных окнах с решетками частого плетения, массивные шкафы из темного дерева, стол, за которым комфортно было бы разве что великану. В довершение картины под многослойным балдахином стояла кровать. Нет, не кровать, полигон для выгула слонов.

Мой спутник не удивился обстановке, пробежался вдоль стен, прослушивая и простукивая их, заглянул в шкафы, под стол, даже под кровать, изучил вид из окна, да так и замер между штор, заложив руки за спину. Мне казалось, я ощущаю его

напряжение. Подойти, что ли, посмотреть в окошко вместе с ним? Нет, неинтересно, как выглядит двор феодального замка.

— За что тебя изгнали? — поинтересовалась я осторожно. — За власть боролся или...

— Или. — Он не спешил откровенничать.

— Слушай, мы вдвоем сюда угодили! Мне, в конце концов, твою супругу придется изображать! — Я разозлилась.

Он резко повернулся, в два шага оказался рядом, склонил бледное лицо к моему:

— Вот и изображай! Неужели не поняла: канцлеру терять нечего. Мой вызов сюда — его последний шанс выжить. Ради собственной шкуры эта крыса совершит невозможное и еще немного сверх того.

— Я подумала, вы друзья, — что же ты так разнервничался-то?

— Угадала, милая. — Он присел, смяв край балдахина. — Если только друзья тебя пытаются до смерти, выворачивают руки из суставов, вырывают ногти, жгут раскаленным железом. Только им духа не хватает тебя прибить. Боятся до мокрых штанов, что ты восстанешь личем. Потому лишают сил, загоня под сердце огненные иглы, отнимают память и выкидывают изувеченного, едва дышащего, в незнакомый мир. Применять магию нельзя. Вернуться или убраться подальше — тоже. Приходится выживать. Врать, изворачиваться, придумывать себе легенды, подделывать документы, менять страну за страной, ложиться под нож пластического хирурга, не позволять себе привязываться к кому бы то ни было. Ибо одна из игл обязывает тебя быть скрытным, хранить секрет твоего происхождения. Другая делает бесплодным. Третья... Да и названного достаточно. Нравится?

Страсти-то какие!

— Ты не похож на запытанного до смерти, — фыркнула я. Мужчины порой слишком драматизируют.

— Хорошая регенерация. — Он обернулся к двери. — Сюда идут двое.

Первым был повар — вполне по-земному одетый парень, только... Кожа цвета майской травы, красные радужки круп-

ных глаз, желтые прожилки вен на висках, нос от середины лба, черные кудри густых волос, растущих только на макушке. Еще одна диковинка местного зоопарка? Я, конечно, против расизма, но на моем месте любой бы поостерегся пробовать пищу, приготовленную таким чудом.

— Что милая леди пожелает? Авбаральские овощи, запеченные в медовом сиропе, или нежное мясо сильвельских змей. А может... — напевно поинтересовался он.

Я выслушала меню и уточнила:

— Если случится расстройство желудка от съеденного, врач меня откачает?

Гвардеец хмыкнул. Повар и не подумал обижаться.

— А-а, девушка не из местных, не встречала саффу. — Он понятливо покачал головой. — Привыкнет.

Вслед за зеленым поваром явился наш похититель Карло.

— Верни девочку домой, — потребовал от него чернокнижник. — Это не ее война.

— Обойдешься. Кто еще в здравом уме согласится стать спутником предателя и клятвопреступника?

— А вот с этого момента поподробней, — не выдержала я. — Во что вы меня втягиваете?

Старик довольно оскалился, демонстрируя прекрасную работу местных стоматологов. Но Гвардеец все испортил, схватил деда за камзол, рыкнул в лицо:

— Она не знает меня! Пойдет следом, погибнет. Как и ты. Зачем я тебе понадобился, Карло?

— Она влюблена в тебя, потому примет любым, — несколько не заботясь о моей реакции, возразил дед.

Ах ты, недоросль трухлявый, сморчок гнилой! Если и была влюблена в собственноручно нарисованную картинку, сейчас от этой любви осталась шелуха лущеных семечек. Мне братишкин клуб исторических реконструкторов что шел, что ехал, что с горки спускался. Три месяца вокруг Гвардейца вытанцовывала, на сборища таскалась, лишь бы его внимание на себя обратить, при этом обмирала от страха — вдруг действительно обратит. И что тогда? Погодите, я вам устрою как-ни-

будь, когда вы... Ну да, устрою. Один — канцлер, другой — герцог. Пикнуть не успею, нашинкуют мечами на шаурму.

— Я однажды проиграл. — Гвардеец пропустил слова о моих чувствах мимо ушей.

— Тогда с тобой не было меня, — возразил старикан.

— Боже, во что я ввязываюсь! — Герцог дважды хлопнул себя ладонью по лбу.

— У тебя нет выхода, мой дорогой некромант, — просто ответил старик. — Советую рассказать девушке о своих похождениях. Не сразу, по частям. Не пристало ей падать в обморок при виде колдовства муженька.

Вот вляпалась! Жаловаться не на кого, сама дура. Оказывается, мой вынужденный супруг — местный злой гений, несостоявшийся черный властелин и доктор-зло в одном флаконе. «Прорвемся, Лина», — сказала я себе.

По приказу «Папы Карло» (или «Дона Карлеоне», я еще для себя не решила) явился портной, снял с меня мерки. Гвардеец наблюдал за нами с задумчивой физиономией. Кстати, надо решить, как его называть. Местное имя гения фехтования я без шпаргалки не запомню. И не надо, он все равно шифроваться собрался. Имя Саша ему категорически не идет.

Я немедленно высказала свои соображения вслух, чем рассмешила спутника.

— Конечно, не идет. Как и большинство земных имен. Не звучат они на этом языке.

— Как? На каком тогда...

А говорим-то мы не по-русски и не по-английски! Тарабарские слова чужой речи сами приходили в мою бедную, ошалевшую от чудес голову. Жуть, я даже думала на незнакомом языке!

— Объясни, Гвардеец, — потребовала я, успокаиваясь. Вот бы так языки в универе учить! Раз — и «speak English» с зачетом и экзаменом в конце семестра!

— Телепортационная бусина, уроненная на пол Карло, — напомнил он. — Она наделяет путешественников знанием местных языков. Всех. Слова, которые сразу не переводятся в твоём сознании, станут понятны со временем. Бусину изобре-

ли не здесь, а в мире Аффа, в замечательном государстве Ирь. Садись. — Он постучал по кровати, подминая край балдахина. — Я расскажу начало страшной сказки. Не думаю, что после нее тебе захочется мне помогать.

Раз я влипла по-настоящему, буду разбираться в ситуации. В первую очередь в прошлом моего «муженька» и его мира. Я устроилась рядом, поджала ноги по-турецки, прикрыла глаза. Я всегда так делала, чтобы лучше представлять происходящее. Поэтому аудиокниги для меня табу. Либо забреду не туда, либо въеду в столб.

— Итак, — начал виновник моих приключений. — Родился я в семье герцога Дариона Желлеса иль'Харса и был четвертым ребенком, самым младшим. Такому ни титул, ни богатства не достанутся. Все на что я мог рассчитывать — успешная военная служба либо удачная женитьба.

Едва научился ходить и держать в руках деревянный меч, отец приставил ко мне учителей и благополучно забыл. Мать интересовали балы, отца — интриги, братья в ту пору заглядывались на девушек, так что рос я сам по себе.

В девять лет во мне проснулся магический дар, по словам экзаменаторов, весьма посредственный. Но отец все равно пристроил меня в самую престижную школу. Едва пришло сообщение из мира Фардия, государства Ирь об обмене учениками, а на самом деле заложниками из благородных семей — гарантами ненападения, глава магов земли мэтр Панайд с удовольствием включил меня в списки.

Я ждала продолжения, но этот авторитет местного разлива только хмурился, а потом вовсе махнул рукой и вышел вон, хлопнув тяжелой дверью.

С видом знатока-искусствоведа я побродила по комнате, изучила резьбу на двери, на спинках массивных стульев и на краю столешницы, золотое шитье на шторах, выглянула в заснеженный внутренний двор — пустой и неприглядный — и поняла, что плачу. Да за что мне такое? Если не брать в расчет мой первый и единственный опыт любовных отношений,

впервые в жизни парень понравился по-настоящему, а он оказался ссыльным уголовником из параллельной реальности.

И где я теперь? Вокруг хмурый феодализм, процветают пытки, публичные казни, а в замке у местного престарелого вельможи вместо нормальных слуг вообще не пойми кто. Я участь жены декабриста не выбирала, я домой хочу! К маме с папой, к брату-бездельнику, заигравшемуся в гардемарина, в университет, в фирму, в которой я подрабатываю секретарем. Там свое, родное-э-э...

— Я сделаю все, что в моих силах, чтобы вернуть тебя домой. — Горячая ладонь легла на затылок.

Я дернулась, но не отстранилась, наоборот, замерла, боясь лишиться хоть какой-то поддержки.

— А не рассказываю все потому, что жду, пока меня расколдуют. Прости.

— На заколдованного принца ты не тянешь. Не принцесска ли ты? — Я с трудом удерживалась, чтобы не разреветься в голос.

— Я и герцогом-то случайно стал. — Он убрал руку, но остался рядом. — А не рассказываю всего потому, что у самого от воспоминаний — караул! Первое время в вашем мире вообще о себе ничего не помнил. Очнулся в тысяча восемьсот семьдесят третьем году в аргентинской деревеньке на границе с Бразилией, искалеченный, обессиленный. Пять лет прислуживал в доме у местного доктора, пытался разобраться в себе, понять — отчего так тошно.

Он сделал паузу, грустно посмотрел в серое небо. Зря стараешься, жалость — ресурс ценный, расходовать его нужно с умом. Следует выяснить, что за фрукт о тяжелой жизни лапшу на уши вешает.

— А как вспоминать начал — думал, с ума схожу, — продолжал он бить на жалость. — До сих пор ужасаюсь, сколько всего со мной было, и было ли? Карло увидел — Белую крепость вспомнил, в которой на цепи сидел. Тебя...

— А меня с чего? — удивилась я, аж слезы высохли.

— Ты похожа на королевскую прорицательницу, которая первой предсказала нам победу.

— Кому — нам?

Истерика утихла. Я шмыгнула носом и тряхнула головой. Так, Лина, бери себя в руки. Ты не дома. Нянькаться с тобой никто не обязан!

— Таресу, Радессе и мне. Я завтра продолжу рассказ. — Он улыбнулся.

— Ты сильно ее любил? — услышав имя, я оживилась. — У тебя голос изменился, когда ты произнес «Раде-эсса», — с придыханием передразнила я.

— Сейчас придет служанка.

Вопрос пропал впустую. Ничего, спрошу еще раз, и еще. Не отмолчится.

— Она покажет, где помыться, принесет смену одежды, — продолжал чернокнижник. — Это твоя комната. Я переночую на диване в соседней.

А я на этом слонодrome? На взлетной площадке для боинга? Может, два кресла составить вместе и там выспаться?

Гвардейца забавлял ужас в моих глазах:

— Карло все считают скрягой. Уверен, он до сих пор следит за экономией бюджета и попрекает транжир.

— Гвардеец, — хоть зарежьте, не могу припомнить его местное имя. — Что ты такого ужасного совершил, если с тобой так кошмарно поступили?

— Пошел не под тем флагом. — Он качнулся с пятки на носок и обернулся к двери. — А вот обещанная служанка — Олна. Она тебе поможет.

Он поклонился и вышел вон. Я осталась наедине со своими страхами.

Радесса Фае из клана Алавиль

Ни одна раса не способна к столь сильной ненависти, как эльфы. Доказано учеными. Заметьте, даже не эльфийскими. В последние полтора века Радессе казалось, будто концентрированная ненависть течет по ее венам, заменив собой древнюю кровь прославленного клана убийц.

Замерев на карнизе третьего этажа провинциальной гостиницы, шпионка машинально коснулась пальцами агатового

ожерелья на шее. Каждая бусина — запись допроса врагов королевы. Кража из королевской сокровищницы мощного артефакта, обещанного в дар Храму Творца, всполошила неожиданно много охочих до дармового могущества. Вскрылись не замеченные шпионской сетью два крупных заговора и несколько мелких, проявились взаимные дразги знатных родов.

Охранять вора, которого ее величество пожелало отпустить, отправили отряд элитных бойцов во главе с ней, Радессой. От возмездия не скроется никто. Как некогда не скрылась сама эльфийка. Творец, как же она, дочь лесного народа, ненавидит ту, которой преданно служит!

Дрогнул спрятанный в ухе шарик. Неслышный прочим шепот сообщил: «Мы в городе». Мысленно приказав отряду сосредоточиться поблизости и ждать, женщина замерла, вслушиваясь в сумерки. За каменными стенами гостиницы шумели, пили, любили друг друга, дрались. Промышленный городишко вокруг готовился ко сну. За два часа до полуночи улицы опустеют. За час — закроются увеселительные заведения. К полуночи окна погаснут, единственным источником света останутся фонари, горящие тут исключительно на перекрестках.

По улице прошла шумная компания, прошелестела машина. Во дворе соседнего дома блеяли козы и кудахтали куры. За углом надрывно пыхтел какой-то агрегат, смачно ругались рабочие. Шпионка брезгливо поморщилась, подобралась к окну, осторожно заглянула внутрь.

Вор по имени Балу Кирон собирал вещи. Он подхватил со стола гитару, но ее ремень зацепился за стул, повалил его на пол, а сам Балу едва удержался на ногах. Вот недоразумение! Вор из него так себе, а менестрель и вовсе неправильный. С внешностью деревенского увальня можно работать в поле, плотничать, но не волновать сердца изящной музыкой. А нет, с такой рожей и фигурой, поди ж ты, поет, еще деньги со слушателей собирает, девиц совращает, таких же упитанных, как и сам. Хорошо хоть молодой по человеческим меркам. Лет двадцати пяти, не старше.

Потев и пыхтя, вор бережно упаковал гитару в чехол и стал задумчиво перекидывать одежду в сумке. Из тряпья выпала

блестящая связка амулетов, которая немедля перекочевала на короткую толстую шею. Эльфийка сощурилась, разглядывая обереги. Предусмотрительный, много полезного раздобыл. Но от гнева королевы ничто не спасет. Шпионка представила вора у дознавателя и кровожадно оскалилась.

В соседнем номере пьяно зашумели. Менестрель замер вслушиваясь. Ну, хоть крохи осторожности сохранил, ухмыльнулась Радесса.

Балу Кирона она охраняла с момента кражи. Едва стало ясно, зачем он проник во дворец, всячески помогала, позволила сбежать, вела его через всю страну. Ни поспать толком, ни поесть. Когда же он утихомирится и передаст нанимателю то, что украл? Два храма Пути остались позади, пещерный город, заселенный магами-сектантами, тоже не прельстил менестреля. Никого, похожего на нанимателя, в округе не наблюдалось. Зато преследователи липли к Балу как блохи к помойной собаке. Вчера певун отбилса сам силой рифмованного слова. Эльфийке осталось подкараулить горе-преследователей и выпотрошить из них сведения о заказчиках. Сегодня повисли на хвосте две мутные личности. Королевская шпионка была уверена: с ними еще будут неприятности.

А вор, беззаботно напевая, натягивал на себя походную одежду. Хоть бы напялил что понеприметней. Нет, куртка красная с вышитым на спине тигром, да еще на размер меньше положенного. Шейный платок синий в белую полоску. Синяя шляпа с блестящей пряжкой. На белых брюках блестящие нашивки в виде звезд и комет. Тьфу! Радесса всю жизнь считала, что певуны не от мира сего, но этот экземпляр вовсе без мозгов. Распелся, аж по номеру пританцовывает.

Подчиняясь певческой магии менестреля, сумка с вещами воспарила над кроватью. Ремень на гитарном чехле раскачивался в воздухе в такт мелодии. Как же хорошо избавиться от власти музыкальных чар! Во дворце вор песней отвел глаза стражам, взломал замки, утихомирил погоню. Даже она, Радесса, могла бы попасть под власть его музыки, если бы не ограждающие заклинания. Сама она давно глуха к рифмованным строчкам и мелодиям. Ко всем без исключения.

Эльфийка убедилась, что объект ее наблюдения вот-вот покинет комнату в гостинице. Балу Кирон путешествовал ночами. Днем предпочитал отсыпаться. Он очень спешил, но осторожности не терял. Осторожности тюфяка. Знал бы, сколько раз она, Радесса, спасала его жалкую жизнь! Ох, нелегкой будет смерть заговорщиков! Королева большая выдумщица в плане казней.

Женщина спрыгнула на землю, провела руками вдоль гибкого тела, примеряя личину наемника. И уже не прекрасная дочь лесного народа, а бородатый, подвыпивший парень зашел в гостиницу.

На первом этаже в общем зале шло вечернее застолье. Здесь собрались и приезжие, и местные. С полсотни посетителей. На сцене пританцовывала певичка. Эльфийка не услышала ни единой ноты из ее песни. Зато наметанным взглядом выбрала парочку громил за крайним столиком. Они подпевали артистке, исподтишка наблюдали за лестницей. Один пожилой, еще крепкий, явно боец. Второй молодой, кудрявый, обвешанный амулетами чародейчик примелькался шпионке в прошлом городишке. Тогда она его не тронула. Сегодня, будь побольше времени, прежде чем убить, уединилась бы с ним в гостинице. Не судьба.

Показался вор. Радесса подгадала момент, споткнулась, едва не сбив с ног официантку, ухватилась за спинку стула, на котором сидел молодой.

— Ты как на меня посмотрел, скот! — гаркнула изменившимся голосом. — Да я тебя на ремни порежу! Я тебе...

Она не договорила, увернулась от замаха старшего здоровяка, пнула молодого под коленку, кулаком угодила под подбородок, добавив к удару отупляющее заклинание. Эльфийские женщины на первый взгляд хрупкие. Врукопашную с ними выйдет только тренированный человеческий боец или взрослый орк.

— А ну проваливайтесь на улицу! — подоспели гостиничные вышибалы.

Радесса согласно выскользнула за дверь. Разъяренные громилы рванули следом. Вор благополучно сбежал. Это хорошо.

Радесса послала вслед ему свой отряд. Никто не помешает допросить добычу. Городская стража прибудет не раньше чем через три-четыре минуты. Бездна времени для обстоятельной беседы.

Меньше минуты потребовалось, чтобы увести преследователей за угол, обездвижить, наложить заклинание правды. Дальше на ладони эльфийки появилась бусина. Она сохранит все сказанное.

— Кто тебя послал? — Шпионка безжалостно пнула ногой распластавшегося в пыли мужика.

— Вилетта Майс, — безропотно пробормотал он, закатывая глаза.

Королевская племянница? Ее величество будет в восторге. Она любит неожиданные повороты. Радесса довольно сощурилась. Вилетту она не любила за острый язык и вздорный нрав. Давно обдумывала, как бы подставить хамку. Не пришлось.

— Что требовалось сделать с вором?

— Задержать, дожждаться госпожу. Она следует за нами.

Ого! Неоспоримое доказательство вины! Приятно будет кинуть напыщенную курицу к ногам королевы, приятно передать в руки палача.

Через две минуты, бросив бездыханные тела, Радесса вернула себе прежний облик юной блондинки в темном строгом костюме и легко зашагала по улице. След Балу вел к автостоянке. Бросить бы все и дожждаться Вилетту. Погоня за менестрелем начала утомлять. Но жаловаться Радессе было некому. Поэтому — только вперед.

Вор арендовал старый автомобиль с тяжелыми вездеходными колесами, мятыми боками, слабым демоном под капотом. Догнать его через полчаса не составило труда. Хуже было следующие два дня трястись следом по проселочным дорогам, объезжая городки и деревни. Конкуренты и охотники за чужим добром то ли отстали, то ли перевелись. Интересно, вор догадывается, что его охраняют, или списывает все на невероятную везучесть и поддержку богов? Скорее последнее, уж больно самоуверен.

К исходу тринадцатого дня погони эльфийка поняла, куда вор держал путь. Дом ветра — построенное древними эльфами, а может, богами, сооружение нависало над шахтерским поселком светло-желтой громадой. Выше самых высоких зданий столицы, наравне с гномьими домами-горами, оно являло собой обширный лабиринт со стенами-сотами. Посмотреть на чудо съезжались со всех краев мира Фардия и соседнего с ним мира Аффа. А еще здесь загадывали желания, оставляя в стене небольшое подношение. Радесса сама слышала от знакомых, что загаданное сбывалось в течение года.

Шпионка не верила в подобную чушь с тех пор, как главная королевская провидица нагадала Таресу, ей и Лиорсару победу в войне. Где теперь эта победа? Где Тарес с Лиорсаром? Какие черви глодают их косточки? Да и остались ли те косточки? Эльфийка сжала зубы, гоня болезненные воспоминания. Что же, можно не верить людской глупости. Но свое подношение в сотах она сделает. И желание загадает. Это немногое, на что сейчас способна преданная шавка королевы.

Балу Кирон никуда не торопился. Оставил вещи в дрянной дешевой гостинице, прогулочным шагом направился мимо убогих домишек к Дому ветра. Радесса легко его опередила, на ходу меняя внешность. Теперь на месте эльфийки была молодая человеческая женщина в форме мага воздуха. На левом плече красовалась нашивка с мельницей, у которой вместо лопастей вращались белые перья.

Вопреки названию, возле Дома ветра жутко воняло. В палатках у подножия, засыпанного вывалившимися из сот полустлевыми подношениями, разместились бродяги и попрошайки. Они толпой хлынули к эльфийке.

- Девственно чистое местечко!
- Свободное от чужих желаний!
- Только твое! — издали загалдели они.
- Недорого!

Самые ушлые приставили к стенам самодельные лестницы, на вид хлипкие, но позволяющие подняться на три-четыре человеческих роста. Как раз достаточно, чтобы найти не переполненную жертвоприношениями ячейку и запихнуть дар.

Но стоило Радессе выдернуть из кобуры пистолет, а на ладони левой руки закрутить простенький воздушный вихрь, отребье попрыталось в хижину и палатки, наблюдая за гостьей злыми алчными глазами.

Женщина подготовила собственное подношение — кулон, помнивший слишком много боли. И просьбу, скорее мольбу — отомстить тем, кто жестоко распорядился ее жизнью. Если не самой, так чужими руками.

На ладони блестел сердоликовый овал. На миг вспомнился жаркий день, шумный рынок чужого мира Аффа. Юный улыбочивый Тарес купил первое украшение, на котором задержался искусственный взгляд любимой, — овальный коричневато-оранжевый камень с белой косой полоской внизу в изящной серебряной оправе.

— Эльфы говорят, сердолик камень любви. Пусть я человек, моя любовь к тебе безгранична, — сказал ей тогда юный маг. — Помни об этом, слушая серенады лесных красавцев.

Гоня болезненные воспоминания, Радесса вынула из рюкзака шкатулку со снадобьями, достала покрытый росписью пузырек, откупорила пробку и вдохнула содержимое. Ступни немедля оторвались от усыпанной хламом земли. У нее есть полчаса. Где же вор?

Женщина воспарила к вершине строения, сняла с шеи кулон, бережно положила в пустующие соты, загадала желание. В исполнение она не верила. Но раз выбрана роль простушки-магички, пусть это будет штрихом к образу.

К тому моменту, как она спустилась вниз, Балу Кирона обступили попрошайки.

— Смотри, моя лестница выше! — настырно тянул менестреля за рукав упитанный детина, столь же крупный, как сам Балу.

— Заткнись, Змеиная чешуя! — рычал на детину старик. — Твоя лестница гнилая, моя крепка и надежна.

— Я поставлю свою на крышу хижины. Твоя молитва дойдет до богов первой, — заливалась тощая угловатая девица с выбитым передним зубом.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО МИРАМ РОМАНА

МИР ФАРДИЯ

География. В мире Фардия в восточном полушарии три континента: Сильвэлия, Кирóнхо и Дельví (с севера на юг). В западном полушарии три крупных островных архипелага: Западные острова, Опаловые острова и Южный архипелаг. Жители материков чаще именуют их просто Острова или Архипелаг.

Материк Сильвеллия поделен двумя государствами. Западная часть принадлежит многорасовому королевству Сиарнэ. Его населяют в основном люди, но живут в нем также эльфы, орки и представители других рас. Столица — Зиирин.

Восточная часть Сильвеллии занята эльфийскими землями, государством Лес. Четко выраженной столицы у эльфов нет. Во всяком случае, жителям иных стран о ней ничего не известно. На самом востоке эльфийского государства проживают саффы — лесной народ.

Расы. Основных рас восемь: люди, эльфы, гномы, орки, саффы (человекоподобные существа с зеленой кожей), радры (обезьяноподобные жители высокогорий), марлы (пересноводные русалки), саткехи (морские русалки). Изредка встречаются представители редких, вымирающих рас, таких как дараль — люди-змеи. При межрасовых браках, коих достаточно много между людьми, эльфами, орками и саффами, не происходит разбавления крови. Ребенок наследует в полном объеме расовые черты наиболее энергетически сильного родителя.

Экономика. На момент повествования достаточно прогрессивный мир, имеющий развитую инфраструктуру. Уровень

развития промышленности соответствует пятидесятым годам двадцатого века мира Земля. Техника и магия практически не разделены. Механизмы работают с применением магии. Наиболее промышленно развитые страны — Сиарнэ, Миолан и Найру.

Между населенными пунктами развито сухопутное и морское сообщение. Так, старые дороги замощены плитами, новые — подбием земного асфальта. По морям плавают суда различного типа: парусные, паровые, моторные. Моторы приводятся в движение пленными демонами. В Сиарнэ, Рофе и Найру развивается железнодорожный транспорт. Автомобильный развиг повсеместно.

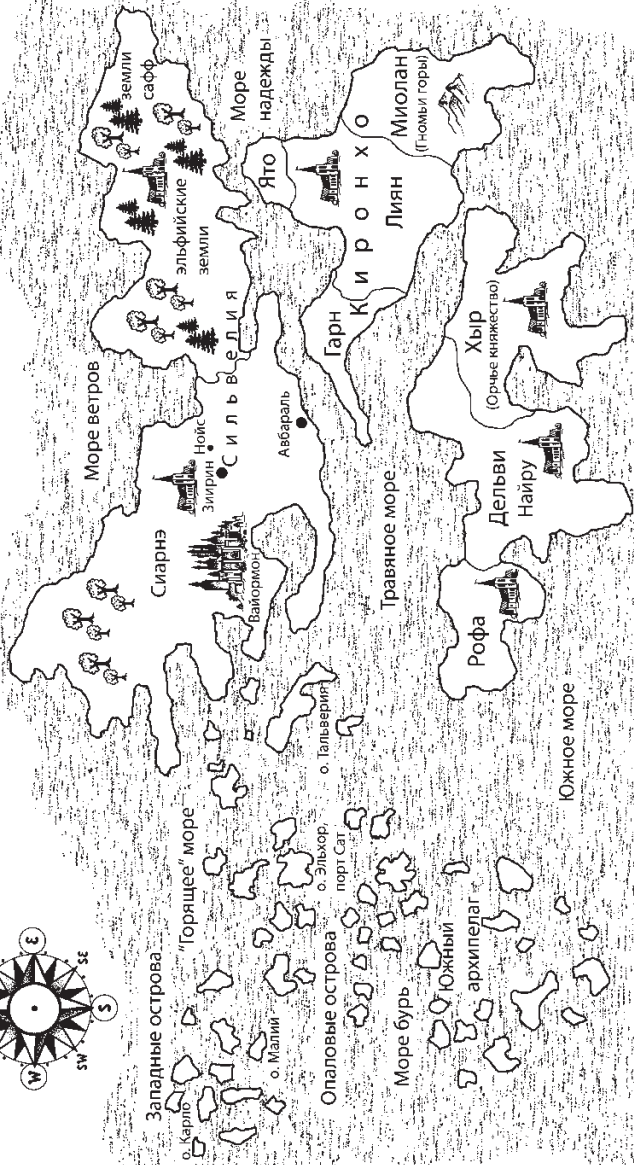
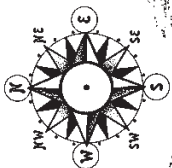
Основной толчок к развитию магически-технического прогресса дал прорыв магов мира Фардия в мир Аффа, в государство ИрЬ. Произошло это за сто пятьдесят четыре года до момента повествования.

Магия исторически имеет специализацию. Маги повелевают водой, огнем, воздухом, землей, живой природой, смертью, разумом и словом. К моменту повествования границы между школами магии начинают размываться, растет спрос на магов-универсалов. Чтобы стать магом, гражданин Сиарнэ должен пройти обучение и сдать квалификационный экзамен. Без этого получение выгоды от занятий магией приравнивается к незаконному предпринимательству и карается серьезным штрафом или тюремным сроком. Экзамен проводится дважды в год в крупных городах страны. Маги, имеющие значительный стаж работы и крупные достижения, получают звание мэтра.

Внутри каждого из направлений магии выделяют четыре ступени (круга) умений. К четвертому кругу относятся новички. К первому — наиболее талантливые мэтры. Из всех магов страны пожизненно выбирается архимаг.

Магический фон на материках достаточно однороден. Встречаются отдельные места, отравленные чарами Великой войны трехтысячелетней давности, но их немного. На территории островов магия в избытке. Из земли и под водой бьют ключи «горящих вод», перенасыщенных силой. Это вызывает

Мир Фардия

мутацию живых существ, активное превращение умерших в зомби-монстров.

Отдельные личности решаются испытать «горящие воды» при жизни. Те, которые выживают, изменяются внутренне и внешне и превращаются к кахрадов — крайне могущественных существ. Островитяне почитают их как живых богов. Кахрадам запрещено пересекать границу и появляться на материках. Они сами к этому не стремятся, исследуют магию и возможности своего тела.

После смерти очень сильные маги могут становиться личами — способными колдовать мертвецами. Возможны как осознанные, как и спонтанные превращения, второе происходит, если маг умер внезапно и сам не позаботился о своем бессмертии. Как правило, личи забывают о жизни, становятся злобными, неуправляемыми, ненавидящими людей тварями. Лич средней силы способен нанести урон, сопоставимый с разрушительными действиями тренированного боевого отряда.

Религия. На континенте Сильвелия верят преимущественно в Творца. Он создал мир и отправил наблюдать за ним мелких богов. Но, согласно поверью, не оставляет свое творение без внимания. Потому жители все чаще в своих молитвах обращаются напрямую к нему.

Эльфы Леса считают, что силы хаоса исказили великий замысел Творца — все жители мира изначально должны были стать бессмертными. Поэтому эльфы мечтают найти способ продлить свою и без того тысячелетнюю жизнь до бесконечности. Они уважают труд алхимиков и некромантов, ибо первые способны продлить жизнь, а вторые создать ее подобие после смерти.

На территории всего мира Фардия существуют храмы Пути. Туда приходят те, кто желает пройти путь менестреля, сказителя, поэта, философа. Менестрели приносят клятву служения и получают дар — воздействовать на умы всего живого и обитающих в неодушевленных предметах сущностей силой слова. Следующий по пути менестреля клянется не использовать дар во зло или ради наживы, всегда возвращать долг жиз-

ни, по возможности помогать слабым, трудиться во имя мира. Из-за этого простые обыватели считают таких менестрелей блаженными.

Государство Лес — эльфийские земли с незапамятных времен. Некогда вся территория Сильвелии принадлежала эльфам. Люди, орки и саффы обитали на неплодородных землях. Но три тысячи лет назад в рядах Перворожденных случился раскол, разразилась Великая война. В итоге леса выгорели, большинство уцелевших эльфов заселило восточную часть континента, создало свое государство. Остальные расселились по всему миру и недолюбливают своих лесных сородичей.

Эльфийское общество строго разделено на кланы. Официально страной правит король, но реальная власть принадлежит старейшинам — представителям наиболее богатых и влиятельных кланов. За пределы достаточно закрытого от чужаков государства доходят слухи о межклановой вражде, кровной мести, борьбе за власть.

Перемещение между мирами осуществляется при помощи бусин телепорта — свернутых пространственных порталов. Технология их производства разработана магами государства Ирь мира Аффа при помощи демонов Запредельного.

Чтобы переместиться внутри одного мира, достаточно представить место, куда хочешь попасть. Для перемещения между мирами нужны особые бусины, ориентированные на конкретный мир назначения.

МИР АФФА

О мире. О точной географии мира Аффа в Фардии известно мало и в основном магам. Они выступают посредниками торговых отношений и культурного обмена между мирами. На карте, висящей в кабинете архимага Фардии, изображен один материк, разделенный на ряд государств. Самую большую территорию занимает страна Ирь. Ирь управляется Светлым со-

ветом магов и является наиболее технически и магически развитым государством континента. Населена Ирь эльфами и людьми. В отличие от мира Фардия, расы смешиваются между собой. На момент обучения в Ири Лиорсара основную долю населения страны составляла народность, представляющая нечто среднее между людьми и эльфами.

Имеются также страны, населенные представителями одной конкретной расы, как Варандэ (эльфы), Орочье ханство (орки), Дальсия (люди).

Расы. Чистых рас четыре: люди, эльфы, гномы, орки. Основная, достаточно осязаемая часть населения — это жители, рожденные в межрасовых браках.

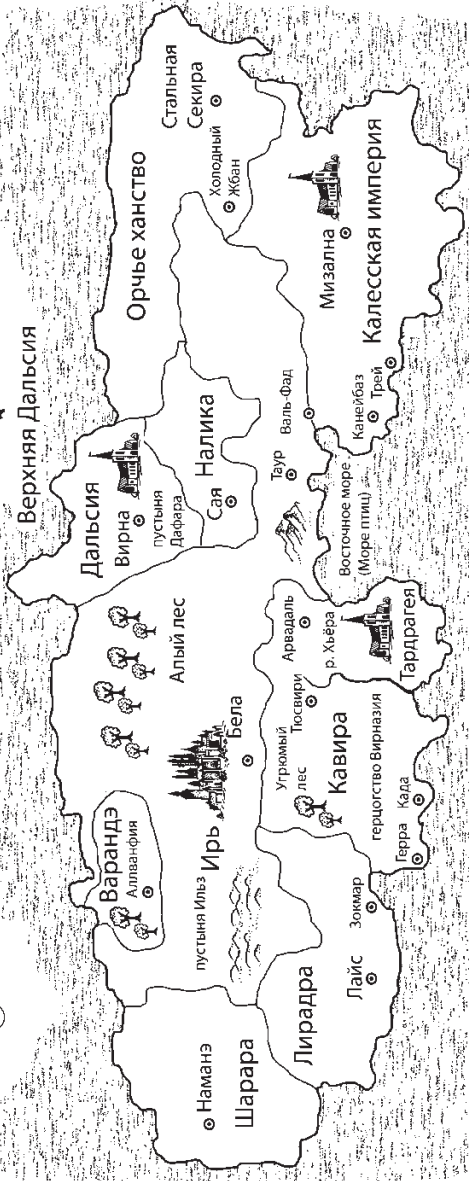
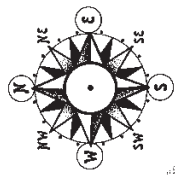
Уровень развития. Страны развиты не одинаково. Ирь — наиболее передовая техно-магическая держава. Верхняя Дальсия, жители которой — лишённые магического дара люди, в технике на порядок прогрессивней Земли. Основные направления развития: электроника, генетика, робототехника, транспортное машиностроение.

Магия. Есть государства, полностью ее избегающие, высылающие одаренных из страны (такие, как Нижняя Дальсия). Есть государства, которые вкладывают инвестиции в магическое и техномагическое развитие, в любые эксперименты по объединению техники и магии.

Считается, что большинство чар слабой и средней силы маг способен сотворить благодаря собственному таланту с благословения богов. Для создания сильных чар прибегают к помощи Запредельного.

Запредельное — межмировое пространство, населенное энергетическими сущностями, именуемыми духами, демонами. Самые сильные из них — высшие духи. Они охраняют неприкосновенность границ миров. Их семеро, известных смертным. Судья — владыка мертвой армии, карающей клятвопреступников и нарушителей магического равновесия. Рувас — повелитель подземных глубин, металлов и самоцветов. Даге-

Мир Афа

ра — гневный ураган, обожающий схватки и сражения. Антас — морской король, удача и проклятие корабелов. Инния — отвечает за эмоциональную сферу. Нальгерат — повелитель крайностей: огня, человеческих страстей и аскезы. Аканальги — владыка иллюзий и неизвестности.

Творить чары и призывать демонов возможно как в состоянии бодрствования, так и в сновидениях. Маги-сновидцы считаются в мире Аффа одними из самых сильных, изобретательных. Другие маги часто просят их помочь расширить энергетические каналы у учеников, чтобы ускорить процесс обучения.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕРНОКНИЖНИК. <i>Роман</i>	5
<i>Путеводитель по мирам романа</i>	
Мир Фардия	273
Мир Аффа	277